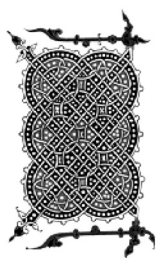

© 2023 В. В. Степкин

Воронеж, Россия

МАРИЯ ШЕРСТЮКОВА: К 200-ЛЕТИЮ ПРЕСТАВЛЕНИЯ ОСНОВАТЕЛЬНИЦЫ БЕЛОГОРСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Аннотация. Поводом к написанию статьи стала знаменательная дата: 200-летие со дня кончины подвижницы благочестия Марии Константиновны Шерстюковой, основательницы Белогорской пещеры в Воронежской губ., самого протяженного культового подземелья в Восточной Европе. Целью исследования является рассмотрение формирования культа Марии-пещерницы на различных этапах истории Русской Православной Церкви. В работе рассматривается исторический контекст событий, связанных с основанием Белогорской пещеры в 1796 г. в меловом склоне долины реки Дон; анализируются различные архивные варианты биографии Марии Шерстюковой; затрагиваются народные легенды о Марии-пещернице; изучается развитие культа подвижницы благочестия, выясняется отношение к ней сегодня в Белогорском Воскресенском монастыре. Делается вывод об устоявшейся народной и церковной традиции почитания данной подвижницы благочестия.

Ключевые слова: Мария Шерстюкова, Белогорская пещера, Белогорский Воскресенский монастырь, народное православие, синодальный период истории РПЦ, Александр I.

Ссылка при цитировании: Степкин В. В. Мария Шерстюкова: к 200-летию преставления основательницы Белогорской пещеры // Традиции и современность. 2023. № 32. С. 30–45

Степкин Виталий Викторович (Stepkin Vitaly Victorovich) – доктор исторических наук, Воронежское отделение РГО, специалист по истории культового пещерокопания в синодальный период истории РПЦ, эл. почта: archeolog@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7182-5830>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 32. С. 30–45

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 271-1/271-7; 248-12 ББК – 63.5; 86.372-5; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-32/30-45>

В 2022 г. отмечалась знаменательная дата: 200-летие со дня кончины подвижницы благочестия Марии Константиновны Шерстюковой, основательницы Белогорской пещеры, самого протяженного культового подземелья в Восточной Европе. Суммарная длина его лабиринтов составляет 985 м (Степкин, Гунько 2013: 281). В настоящее время пещера является подземной частью архитектурного ансамбля Белогорского Воскресенского мужского монастыря Россошанской епархии Воронежской митрополии Русской Православной Церкви.

Целью исследования является рассмотрение формирования культа Марии Константиновны Шерстюковой – Марии-пещерницы – на различных этапах истории Русской Православной Церкви. Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи: 1) рассмотреть исторический контекст событий, связанных с основанием Белогорской пещеры; 2) проанализировать различные архивные варианты биографии Марии Шерстюковой вплоть до начала создания ею пещеры в 1876 г.; 3) рассмотреть народные легенды о Марии-пещернице; 4) изучить развитие культа подвижницы благочестия.

Исторический контекст событий

Исторический контекст событий, связанных с начальным этапом создания Белогорской пещеры, мы узнаем прежде всего из материалов фондов Российского государственного исторического архива: Ф. 796. Оп. 98. Д. 196; Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355; Ф. 834. Оп. 3. Д. 4036-а; Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1998. Суть их сводится к следующему. 27 февраля 1817 г. Синод заслушал рапорт епископа Воронежского и Черкасского Епифания (Канивецкого) о создании пещеры Марией Шерстюковой в меловой горе близ слободы Белогорье. Необходимо отметить, что епископ Епифаний получил назначение на воронежскую кафедру незадолго до этого, в марте 1816 г. Он сменил в служении епископа Антония (Сokolova), управляющего епархией с 1810 г. По сути, с назначением Епифания не началось, а возобновилось дело Марии-пещерницы, начавшей создавать подземелье в меловом склоне донской долины у сл. Белогорье в далеком 1796 г. Еще в 1802 г. Иоанн Ставров, священник Преобра-

Белогорский Воскресенский монастырь. Фотография начала XX в.

женского храма сл. Белогорье, вступивший в должность благочинного в 1801 г., подал рапорт о пещерокопательстве епископу Слободско-Украинскому и Харьковскому Христофору (Сулима), в ведении которого тогда находилась духовная жизнь Острогожского у. Отметим, что Острогожский у. в связи с административно-территориальной реформой был отчислен от Воронежской губ. в 1797 г. и находился в ведении Слободско-Украинской губ. до 1802 г. (Сергий (Петров), архиепископ 2011: 321–322). Реакция епископа Христофора на поданный ему рапорт неизвестна.

Вновь в фокус внимания епархиальных властей, теперь уже воронежских, Белогорские пещеры попали в 1806 г. В это время расположенный неподалеку от Белогорья г. Павловск посетил епископ Арсений (Москвин), занимавший воронежскую кафедру в период с 1799 по 1810 гг. Воспользовавшись этим случаем, Иоанн Ставров передал ему рапорт. В результате епископ Арсений принял решительные

Белогорский Воскресенский монастырь. Современный вид

меры по противодействию начинанию Марии Шерстюковой, которую активно поддерживало местное население в обустройстве Белогорской пещеры. По результатам сношения епархиальных властей с представителями светской власти Острогожский земский суд принял решение не только запретить Марии Шерстюковой строить пещеры, но и отдал распоряжение засыпать вход в оные. Несмотря на это, местное население не только вновь открыло пещеры, но и продолжило их устройство под руководством Шерстюковой. В ответ на это земская полиция, арестовав Шерстюкову, препроводила ее в Острогожск, где «несколько времени она содержалась под стражею и паки была отпущена на жительство в Белогорье. С тех пор по недосмотру Земской полиции вход в пещеру всегда был открыт, и работы в ней продолжались всякую ночь» (РГИА: Ф. 834. Оп. 3. Д. 4036-а. Л. 3).

В отличие от епископа Арсения (Москвина), епископ Антоний (Соколов) предпочитал не вмешиваться в процесс обустройства Белогорской пещеры, хотя благочинный Иоанн Ставров не только регулярно доносил об этом в полугодных рапортах как о суеверии, но и делал акцент на том, что Мария Шерстюкова нарушает еще к тому же и постановление о торговле свечами.

Как уже отмечалось, дело против Марии Шерстюковой было возобновлено вновь с приходом на воронежскую кафедру епископа Епифания (Канивецкого). Епифаний, в отличие от своего предшественника, не только дал ход донесениям Иоанна Ставрова, подав рапорт в Синод, но и утвердил вынесенное в ноябре 1816 г. решение Воронежской консистории, предписывающее Воронежскому губернскому правлению пещеру завалить или, если будет возможность, совсем разрушить при депутате от духовной стороны, а саму Марию Шерстюкову вновь предать суду. В целом изложенная в рапортах позиция епископа Епифания сводилась к трем основным аргументам: отрицательная личностная характеристика Марии Шерстюковой и ее сподвижников, опасность для общества распространения посредством пещерокопания суеверия и опасность для власти появления неконтролируемых элементов. Вместе с этим 9 апреля 1817 г. состоялось определение Синода за № 1268, предписывающее Синодальному Обер-Прокурору князю Александру Николаевичу Голицыну «возыметь с кем следует сношение о понуждении Воронежского Губернского Правле-

Иван Тищенко

ния к неукоснительному выполнению вышеизложенного требования тамошней Консистории».

Рассмотрим, в чем же состояла «вина» Марии Шерстюковой в соответствии с действующим законодательством. Анализ правоприменительной практики по отношению к пещерокопателям в XIX в. показывает, что ключевым обвинением было рас-

Богослужение в пещерном храме Святого Духа

Игумен монастыря Илия (Ждамиров)
в храме свт. Спиридона Тримифунтского

пространение суеверия. Например, наряду с Шерстюковой в суеверии обвиняли в Воронежской губ. в 1831 г. основателя пещеры у с. Красное Авраама Ковалева (РГИА: Ф. 796. Оп. 112. Д. 867. Л. 1 об.), в 1860 г. – Максима Курасова, создателя Гороховской пещеры (РГИА: Ф. 796. Оп. 141. Д. 709. Л. 10 об.), в 1878 г. – Мирона Гноевого, устроителя Галиевской пещеры (РГИА: Ф. 796. Оп. 157. Д. 240. Л. 8), в 1892 г. – Тихона (Присяжного), пытавшегося возродить Шатрищегорский монастырь (РГИА: Ф. 797. Оп. 63. II отд. 3 ст. Д. 379. Л. 5–5 об.).

При этом правящие архиереи, подававшие рапорты в Синод, формально руководствовались Уставом духовных консисторий. Так, в консисторском Уставе, впервые изданном в 1841 г., в статье 19 читаем: «В случае суеверных действий или разглашений, производящих на народ заметное впечатление, особенно с признаками неблагонамеренного вымысла или корыстных видов, епархиальный архиерей обращается к мерам вразумления и увещания; а между тем относится к губернатору и, смотря по важности дела, доносит Святейшему Синоду, от которого и ожидает дальнейшего разрешения». По сути, консисторский устав лишь подтверждал то отношение к суеверию, которое присутствовало в законодательных актах Российской империи с самого учреждения Синода Петром I (Степкин 2018).

Но не все правящие архиереи спешили соблюсти синодальные предписания о суеверии примени-

тельно к пещерокопателям. Так, в материалах дел по обвинению Марии Шерстюковой мы видим отсутствие каких-либо запретительных мер по отношению к белогорским народным пещерокопателям со стороны епископа Слободско-Украинского и Харьковского Христофора (Сулима) и епископа Воронежского и Черкасского Антония (Соколова). Кроме того, в конце XIX в. пещероустроители Калачеевской пещеры даже пользовались поддержкой викария Воронежской епархии епископа Владимира (Соколовского-Автономова) (РГИА: Ф. 695. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–3; Степкин, Смирнов 2022: 263–270). Возвращаясь к процессу над Марией Шерстюковой, отметим, что наличие предвзятости

по отношению к ней и белогорским пещерокопателям в целом выяснилось в ходе дальнейшего разбирательства со стороны светских властей. А началось все с того, что, получив предписание Синода, обер-прокурор князь А. Н. Голицын, прежде чем вступить в сношение с управляющим полицией, предварительно сам решил провести всестороннее разбирательство. О мотивации данного разбирательства высказал свое предположение этнограф Б. С. Познанский, посетивший Белогорские пещеры в 1866 г.: «Проезжала через Павловск богатая донская казачка Иловайская, направляясь к Сергию-Троице и далее в Петербург. Услыхав про Белогорские пещеры, она посетила их и обещала свое содействие защите этого дела от притеснений. Известно, что после отечественной 1812 г. войны донцы были

Иеромонах Алексей (Гордеев) ведет занятие воскресной школы

в милостях у правительства. Приезжавшие в Питер донцы были там обласкиваемы, были принимаемы в высших кругах. Вот эта-то Иловайская и рассказала в Петербурге про пещеры, про Марию» (*Познанский* 1885: 622). Соответственно, когда поступил запрос о закрытии данной пещеры со стороны Синода, князь А. Н. Голицын, прежде чем принять решение, решил разобраться в деле более детально, имея в виду ходатайство со стороны Иловайской.

Насколько это предположение Б. С. Познанского верно, ответить не представляется возможным. В любом случае решение провести дополнительное разбирательство лежало в мировоззренческой плоскости князя, учитывая его достаточно либеральные взгляды в вопросах религии. Если мы знаем о том, что он принимал участие в подготовке законопроектов по статусу инославных общин в России, выступая за сближение христианских конфессий, то что уж говорить о деле простой казачки Марии Шерстюковой, которая не порывала связи с приходом и не придерживалась каких-либо еретических взглядов. А то, что она вместе с белогорцами ночью строила пещеры, окутывая их ореолом тайны, так это вообще перекликалось тогда по форме с модными при дворе масонскими веяниями.

Не будем забывать также, что А. Н. Голицын был первым в истории обер-прокурором, который стремился активно влиять на решение дел в Синоде. Данная черта князя проявилась и в деле о белогорской пещерокопательнице. Из отношения А. Н. Голицына от 6 июня 1817 г. за № 310 к исправляющему должность Воронежского гражданского губернатора М. Л. Магницкому: «Святейший Синод предоставил мне сделать об оном надлежащее... сношение; но прежде нежели приступлю я к формальной по сему переписке с Сергеем Козьмичем, я желал бы знать, действительно ли справедливы показания на суть означенной пещеры и учредительницы оной Марии Шерстюковой и, в особенности, по каким причинам Воронежское Губернское начальство затрудняет в исполнении требований тамошней духовной Консистории по сему предмету?» (РГИА: Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355. Л. 5об.). Упомянутый Сергей Козьмич – С. К. Вязмитинов, министр полиции,

Крестный ход у входа в пещерный храм св. блгв. кн. Александра Невского. 2006 г.

санкт-петербургский военный генерал-губернатор. Получив отношение А. Н. Голицына, М. Л. Магницкий поручил разобраться в происходящем уездному дворянскому предводителю. Исправляющий должность Острогожского предводителя дворянства уездный судья Бородин непосредственно отправился в Белогорские пещеры для выяснения обстоятельств дела на местности. Вначале он встретился с Марией Шерстюковой, выслушав ее показания по предъявляемым консисторией обвинениям. Затем он опросил 22 человека свидетелей из близлежащих населенных пунктов: х. Кирпичи и сл. Белогорье. По результатам поездки Бородин написал рапорт вновь назначенному воронежскому гражданскому губернатору Н. П. Дубенскому, в котором отмечалось, что пещеру Мария создает единственно для понесения трудов; желающих ей помогать она специально ничем не привлекает; свечи, которые приносят в пещеру, используются для освещения,

Мария Шерстюкова

а остатки передаются в церковь с. Белогорье; приносимые в пещеру деньги и съестные припасы используются для пропитания как устроителей пещеры, так и нуждающихся, которым также покупается одежда и поправляются дома. Получив данные сведения, Н. П. Дубенский написал отношение об этом А. Н. Голицыну 17 августа 1817 г. за № 315.

Далее, за отсутствием на месте А. Н. Голицына исправляющий его должность по обер-прокурорской части статский советник Журихин, опираясь на решение Синода по делу Шерстюковой, 24 октября 1817 г. обратился непосредственно к министру полиции генералу С. К. Вязмитинову «как по предмету уничтожения сказанной пещеры, так ровно и о том, чтобы учредительнице Шерстюковой строжайше воспрещено было продолжать соблазнительные ее действия». На поступившем к нему отношении С. К. Вязмитинов написал резолюцию – к исполнению. Казалось бы, противники Марии-пещерницы могли торжествовать. Но местные светские органы власти, зная о Марии Шерстюковой не понаслышке, не спешили выполнять данное распоряжение. Воронежский губернатор Н. П. Дубенский при этом решил отправить собранные им сведения по просьбе А. Н. Голицына на имя С. К. Вязмитинова, присовокупив информацию о том, что данные сведения уже были переданы обер-прокурору.

Пещерный ход

Через несколько месяцев вернувшийся к исполнению своих обязанностей А. Н. Голицын пишет отношение уже на имя министра внутренних дел О. П. Козодавлева от 16 января 1818 г. за № 43, в котором отмечает, что «Государь Император, утвердив мнение Комитета, высочайше повелел мне соизволить непосредственно войти в сношение с Воронежским гражданским губернатором о действиях в пещере, и об учреждении оной, семидесятитрехлетней старухой, казацкой женой Шерстюковой. Из сообщённых сведений открылось, что Шерстюкова начала рыть пещеру лет двадцать тому назад, из благочестивого желания подражать труженикам, и что в действиях ее не скрывается ни суеверий, ни раскола и ереси. По чему Его Императорское Величество всемилостивейше пожелал оставить вход в пещеру свободным для приходящих трудиться, а по желанию Шерстюковой учредить в пещере небольшую церковь, по приличию» (РГИА: Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355 Л. 17–18).

Из анализа приведенных материалов корреспонденции по делу Марии Шерстюковой мы видим постепенное повышение статуса вовлеченных в него лиц, принимающих участие в решении по делу о пещерокопании в Воронежской губ. В конечном итоге решение в пользу белогорских пещерокопателей под руководством Марии Шерстюковой было принято на самом высоком уровне, после чего

начался легальный период функционирования подземелий. Так кто же такая была Мария Константиновна Шерстюкова, приведшая в действие весь механизм управления Российской империей: от уровня благочинного до обер-прокурора Синода, от уездного предводителя дворянства до Его Императорского Величества?

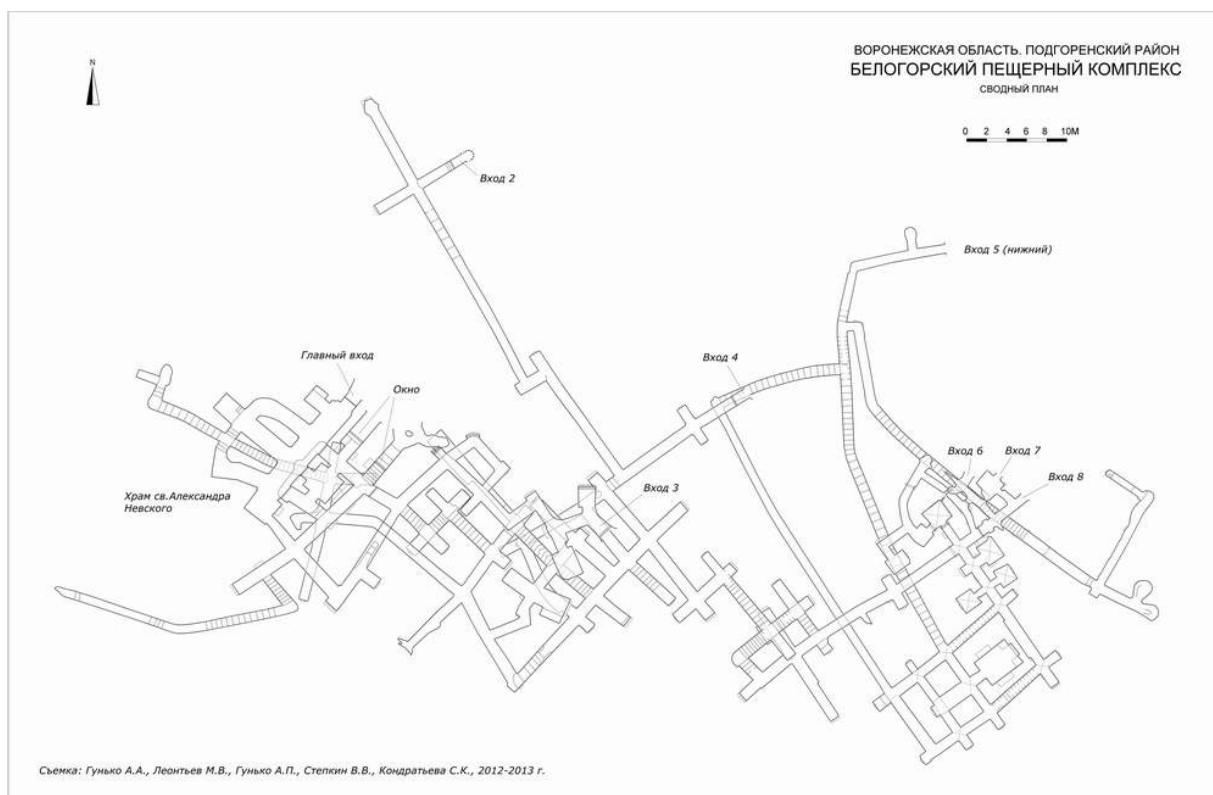
Архивные варианты биографии

К сожалению, не сохранилось биографии Марии Шерстюковой, написанной ею самой. В настоящее время мы имеем дело с записью трех вариантов биографического повествования. Первый вариант биографии Марии Шерстюковой был написан при ее жизни, в 1817 г. Принадлежит он перу воронежского губернатора Николая Порфирьевича Дубенского, будучи изложенным в донесении А. Н. Голицыну по результатам личной встречи с Марией Шерстюковой во время осмотра Белогорских пещер. Впервые данный вариант биографии частично был опубликован П. Никольским в очерке, посвященном пещерокопательству на Дону в XIX в. (Никольский 1910: 157). Приведем его полностью, опираясь непосредственно на материалы архивного дела. «Прибыв в хутор Кирпичи, на половине дороги между селом Белогорьем и пещерою, состоящей – нашел я там старуху Марию Шерстюкову в собственной ее хижине – довольно теплой и чистой – молящуюся Богу. При всей старости своей, она еще довольно бодрa и говорлива. Рассказала она мне, что с самого детства желала быть монахиней; но родители ее, видя тогдашнее ее дородство, не допустили до того и выдали против воли замуж. В сем состоянии жила она несколько лет в согласии и изобилии. Но после первых ее родов злые золовки, против коих неоднократно соседи предостерегали, испортили ее с мужем, так что они лет десять были как в исступлении, тосковали, кричали, бегали по лесам босые и в рубищах, даже зимою, и находили успокоение в одном пьянстве. По прошествии сего времени пришла к ней неизвестная старуха, которая сказала, что довольно уже она мучилась, повела ее к роднику, умыла, читала над нею молитвы, велела ей не выходить из дома шесть недель, воздерживаться от вина и

молиться Богу. То же сделала и с мужем ее, и они вдруг опять пришли в прежнее здоровое положение, жили вместе лет десять, прижили много детей и, наконец, она овдовела. Тогда почувствовала она непреодолимое влечение идти в Киевские пещеры. Пришед туда, молилась усердно св. мощам и даже хотела остаться в монастыре, но один тружельник велел ей идти домой – приносить Богу беспрестанно теплые молитвы, ни о чем больше не думать, что Бог вразумит ее и будет такое диво, которое во веки прославится. Возвратясь, молилась она долгое время и всегда со слезами. В одну ночь приснилось ей, что кто-то говорит: поди чрез горы к Дону, молись, ищи и обрящешь. Проснувшись, она исполнила сие, но ничего не нашла. Сновидение и искание ее повторялись, с тоскою, до тех пор как пришло ей на мысль копать меловую гору. Тогда она почувствовала великую радость и в продолжении двадцати двух лет ископала, с проходящими в Киев на покло-

Пещерный храм св. блгв. кн. Александра Невского.
Современный вид

План Белогорской пещеры. Топоъемка под руководством А. Гунько 2012–2013 гг.

нение св. мощам, все то, что ныне видно в пещере. Когда прервались труды ее, тогда ей снится: «Пойди! Трудись! В старину во время гонений от неверных, скрывались тут Святые Отцы, ты найдешь их мощи!». И от того она, несмотря на все запрещения, принимается опять за свои труды. Что недавно суд завалил пещеру, но ее опять отрыли и что она только что пришла оттуда и готова претерпеть всякое мучение, если Богу так угодно» (РГИА: Ф. 796. Оп. 98. Д. 196. Л. 81–82).

Второй, ставший, по сути, классическим, вариант биографии принадлежит перу уже упомянутого нами протоиерея Иоанна Ставров. Именно его, как правило, брали за основу повествования о Марии Шерстюковой при создании очерков по истории Белогорских пещер, написанных в XIX в. (Данский 1858; Креховецкий 1878; Познанский 1885 и др.). Иоанн Ставров изложил биографию Марии Шерстюковой в рукописи «Подробное сведение о Марии Константиновне Пещернице Белогорской и о пещерах изрытых в меловой горе на правом берегу реки Дона», написанной в слободе Белогорье 11 февраля 1840 г., по прошествии 18 лет с момента смерти Марии Шерстюковой. В очерке в конце биографии М. К. Шерстюковой Иоанн Ставров указал источник получения информации: «В 1798 году определен я во священника к Белогорской Преображенской церкви, и из любопытства во время весны

был в оной пещере, которая тогда углублена была в гору прямолинейно к западу саженой на восемь. Тут я видел Марию и расспрашивал ее подробно о ее предприятии, и от ней то узнал я все то, что выше показано». В настоящее время очерк Иоанна Ставрова хранится в фонде 834 – Рукописи Синода Российского государственного исторического архива.

Приведем фрагмент из него, связанный с биографией Марии Шерстюковой: «Мария Константинова дочь, по мужу Шерстюкова скончалась при пещере своей 1822 года июня 22 дня, быв тогда около осмидесяти лет: следовательно, родилась она в осмнадцатом столетии в сороковых годах. Она дочь Казака Константина Босого, и родилась не в Слободе Белогорье, но в Городе Бирюч. По упразднении Украинских Казаков и обращения их в казенных поселян, называющихся тогда Войсковыми, отец ее перешел в шестидесятых годах на жительство в Слободу Белогорье с четырьмя своими сынами и тремя дочерьми, из коих одна была означенная Мария девица лет дватцати пяти; жития была она невоздержанного, как она сама о себе сказывала, быв уже труженицею при пещере. По смерти отца своего она вышла в замужество за Белогорского Войскового Самойла Шерстюкова, довольно уже пожилого и несколько малоумного, от коего имела детей двух сынов и одну дочь. В супружестве она жила около двадцати лет и овдовела. Предавшись нетрезвости и раз-

врату она прожила все имущество своего мужа до чиста, и принуждена была наниматься в работницы к людям; и тут по непостоянству своему и худым поступкам нигде не могла ужиться; везде отвели ее из своих домов как непотребную. Для пропитания своего она прибегла к шарлатанству, занимаясь колдовством и ворожбою, но чрез то еще в большее пришла у всех в призрение. Так она жила до 1795-го года, претерпевая великую нужду в пропитании своем и прочих потребностях житейских; дети же ее с малых лет живали в прислугах у разных людей. В это время удручаясь крайнею бедностью и терпя поношения и презрение даже от родных своих, она, как блудный сын описанный во Евангелии, пришла в себя и вздумала покаяться; почему для исповедания грехов своих и наставлении как спастись, она немедленно отправилась пешком в Киев; Там она прожила довольно времени, питаясь подаваниями от Христолюбцев, и ежедневно для Богомолья бывая в Лавре и других монастырях. Исповедывалась она у какого-то Лаврского иеромонаха, о имени коего она не позаботилась узнать. Сей иеромонах заповедал ей всю жизнь пост сухоедения и всегдашней трезвости, непрестанного болезнования и сокрушения о грехах своих, и заниматься Богоугодными трудами. И как он, по сказанию ее, бывал некогда еще бельцом в Слободе Белогорье и знал о меловых горах над рекою Доном покрытом лесом, то советовал ей избрав в этой горе уединенное место, изкопать пещеру для занятия Богомольем, по примеру преподобного Антония Киево-Печерского. Наставления это глубоко впечатлилось в ее уме и сердце, и она тогда же решилась исполнять сие на самом деле. Возвратясь из Киева в Слободу Белогорье к своим родственникам, она, к удивлению всем, совершенно переменилась в своем поведении; сделалась воздержанною постницею, смиренною, молчаливою и Богомольною, а прежде того она в церковь почти никогда не хаживала.

В 1796 году весною она уединилась в покрытую лесом гору над рекою Доном, и избрав понравившиеся ей место недалеко от Белогорского хуторка, именуемого Кирпичи, начала копать пещеру, однакож не ногтями, а железную киркою, или как иначе называют, теслою и тяпкою. Чрез несколько дней она во сне увидела Духовника своего Киево-печерского иеромонаха, который сказал ей, что она не в определенном от Бога месте начала рыть пещеру, а надобно ей пойти еще дальше по те-

чению реки Дона вниз сажений на двести, там найдет она прислоненную к горе теслу, лопату и лоток, чем выносить мел из пещеры, и что в этом месте назначено ей копать пещеру и спасаться. Она повинаясь сему сновидению и нашла назначенное ей место и орудия для искапывания пещеры. Ободренная сим сноведением и чудесною находкою копательных орудий, она приступила с большим усердием к копанию пещеры, и сама себе удивлялась, откуда получила она силы и неутомимость к труду своему» (РГИА: Фонд. 834. Оп.3. Д. 4036-а. Л. 1–2).

Сравнивая варианты биографии Марии Шерстюковой в изложении Н. П. Дубенского и И. Ставрова, мы видим, прежде всего, расхождения в сюжетной линии, связанной с преображением личности пещерницы. У Н. П. Дубенского: Мария хотела стать монахиней с детства – ее против воли выдали замуж – болезнь после первых родов – разгульный образ жизни в течение 10 лет – исцеление Марии старухой у родника – изменение образа жизни и проживание в благочестии в течение еще 10 лет – вдовство – паломничество в Киев – желание остаться в киевском монастыре – благословение «тружельника»: «идти домой – приносить Богу беспрестанно теплые молитвы, ни о чем больше не думать, что Бог вразумит ее и будет такое диво, которое во веки прославится». У И. Ставрова: Мария, приехав в Белогорье с семьей родителей, изначально вела жизнь невоздержанную – после смерти отца вышла замуж за Самуила Шерстюкова – в супружестве жила около двадцати лет и овдовела – предавшись нетрезвости и разврату, прожила все имущество своего мужа – терпя поношения и презрение даже

Поросший лесом меловой склон донской долины у с. Белогорье

Протоиерей Александр Долгушев в пещерном храме св. блгв. кн. Александра Невского до реставрации. 2004 г.

от родных своих, она, как блудный сын, описанный во Евангелии, пришла в себя и вздумала покаяться – для исповедания грехов своих и наставления, как спастись, она немедленно отправилась пешком в Киев – исповедовалась у лаврского иеромонаха, который и благословил ее «ископать пещеру для занятия Богомольем, по примеру преподобного Антония Киево-Печерского».

Какая же из двух приведенных сюжетных линий более соответствует реальности? Если говорить об объективности, то, с одной стороны, у Иоанна Ставрова было то преимущество, что он сам проживал в сл. Белогорье и мог знать о деталях ее биографии не только с ее слов, но и со слов слобожан. Но, с другой стороны, знакомство с материалами дела о Марии-пещернице показывает

изначально предвзятое отношение к ней со стороны благочинного. Кроме того, в повествовании Иоанна Ставрова читается определенный шаблон жизнеописания, взятый из сборников житийного и поучительного характера. Человек в своем отступлении от Бога падает на самое дно, затем осознает свое плачевное состояние, исповедуется в своих грехах и начинает аскетический подвиг для преобразования. С одной стороны, данное клише присутствует и в повествовании Н. П. Дубенского, но с другой стороны, мы видим в нем также присутствие народных верований: порча, исцеление старухой у родника и пр. Учитывая изначально развитие пещерокопания в Белогорье в рамках народного православия, а не церковных институтов, данные черты биографии воспринимаются более аутентично.

Народные легенды о Марии-пещернице

Говоря об отражении в биографии Марии Шерстюковой народной православной традиции, нельзя не коснуться еще одного варианта биографии Марии Шерстюковой, нашедшего свое отражение в рукописи 1836 г. «Город Павловск и окрестности его. Отрывок из прогулки на Кавказ», хранящейся в РГИА. Приведем из нее отрывки: «Мария Константиновна, по мужу Воробьева, родилась в 1747 году в казенной слободе Белогорье, лежащей на правом берегу

Дону, в шести верстах от Павловска, и оставшись по смерти родителей маленькой сиротой, вступила на шестнадцатом году возраста в законный брак с солдатом Егерского полка, овдовев на восемнадцатом году от рождения. Во время отсутствия мужа, бывшего в походах, Мария Константиновна вела жизнь самую смиренную, благочестивую, набожно уделяла из своего достояния неимущим собратиям, и с истинным благоговением воссылала моления к подножью престола Довечного. Получив известие о смерти своего нежно любимого сожителя, Мария Константиновна возвысилась теплейшими молитвами к Господу Богу, прося о прощении грехов ее и о указании пути к вечному спасению. Моления ее были усердны, пламенны, доступны к престолу Всевышнего, как и всякая усердная молитва. Он

внял ее мольбам, как и всех людей, с вниманием. Очаровательное одно и то же ясновидение в продолжении трех суток сряду виделось овдовевшей сироте. Ангел, красоты небесной, явился пред нею в трех ясновидениях, указывая перстом на Восток. Мария Константиновна обратила по указанию томные взоры и пред ней открылся крутой, отвесный правый берег Дона. <...> Звучным небесным голосом, подобным сладко звучащему звону серебряного колокольчика, речет ей Ангел Небесный: «Мария! Изрый на этом месте такой храм своими ногтями, и ты спасешься от греха мирского!». Эти ясновидения, увлекшие Марию Константиновну к восторжению обратили ее в многотруженицу. С строгим малолетием, пламенной верою и усердными мольбами к Всеединному приступила она без лома и лопаты, кирки и топора своими отпущенными ногтями к многолетнему труду изрытия в меловом каменном берегу Дона Храма, сопровождая работу свою псалмопением и молитвою. Сорок долгих лет были неоспоримыми свидетелями ее неутомимого многотружения, и последний сороковой год вполне увенчал успехом ее долготерпение; в диком отвесном берегу реки Дона отрылся взору любителя Бога изрытый ногтями многотруженицы Храм Всевышнему с многими переходами и нишами; в последствии украшенных образами от верующих Богопоклонников.

В продолжении существования на подлунной Мария Константиновна производила чудеса с верованием в Бога Всеединного и исцеляла недужных и увеченных, страдающих многия лета без всякого ослабления недуга их тяготившего. Жертвуемые Богопоклонниками деньги раздавала она щедрою рукою молящихся убогим братьям и сестрам своим в Спасителе...» (РГИА: Ф. 834. Оп. 3. Д. 4036-6).

Надо отметить, что по поводу данной рукописи в Синоде также было разбирательство в 1839–1840 гг. с опорой на экспертизу Московского цензурного духовного комитета (РГИА: Ф. 796. Оп. 120. Д. 1454). В экспертизе отмечалось незнание автором данного произведения «духовных предметов, также славянского и русского языков», проявление «суежности и напыщенности» повествования. Отмечалось, что рукопись не может быть удобна для напечатания в настоящем виде. При этом цензоры отмечали, что с учетом народной любви к Марии-пещернице и ее благочестивой жизни, известной гражданским и светским властям, необходимо решение о дальней-

Служба в пещерном храме Святого Духа в день памяти Марии Шерстюковой в 2016 г.

шей судьбе рукописи со стороны Синода. Решение о редактировании и напечатании рукописи Синодом принято не было.

В приведенном выше отрывке рукописи «Город Павловск и окрестности его. Отрывок из прогулки на Кавказ» мы словно видим облик Марии-пещерницы глазами религиозно экзальтированной женщины, причем скорее не слобожанки, а горожанки. Место ее рождения привязывается географически не только к слободе, но и к г. Павловску, в котором тогда были расквартированы воинские полки. Мария рисуется как жена, а затем вдова солдата, проводящая время в молитве и благотворительности во время его пребывания в военных походах. В повествовании нет упоминания о сюжете, связанном с паломничеством в значимую для сердца каждого слободского жителя Киево-Печерскую Лавру. Мария начинает копать пещеру, повинаясь велению ангела. Автор рукописи упоминает, что в своем путешествии на Кавказ он остановился в г. Павловске, а затем оттуда предпринял небольшое путешествие в Белогорские пещеры. В своем повествовании он не указывает источник информации о Марии-пещернице, но можно предположить, что это был кто-то из женской половины павловского подворья. Помимо указанных выше аспектов, об этом говорит и большое число фактических ошибок в повествовании, которые сложно представить исходящими из уст однослобожан Шерстюковой. Так, если Мария родилась в 1747 г. и, овдовев в 18 лет, приступила к строительству пещеры, то получается, что начало создания подземелья падает на 1765–1766 гг., а не на 1796 г. Или повествование в рукописи о том, что им-

ператор Александр I посетил лично пещеры в 1806 г., долго общался с Шерстюковой и дал ей в это время соизволение на обустройство пещерного храма.

Отметим, что народная молва, повествующая о чудесах Марии, наносила при жизни ее имиджу вред. Она это понимала и была вынуждена неоднократно оправдываться. Так, после встречи с ней воронежский губернатор сделал следующую запись: «...что касается до Ангельского пения слышимого будто в пещере, то сие есть выдумка недоброжелателей Шерстюковой, а она говорит только, что употребление разведенного в воде наскобленного в пещере мела, с солью, которая бывает там на сводах, пособило многим от лихорадок; что некоторые больные и расслабленные, потрудясь в пещере, получали облегчение и силы» (РГИА: Ф. 796. Оп. 98. Д. 196. Л. 83).

Развитие культа подвижницы благочестия

Встречаясь с губернатором Н. П. Дубенским в 1817 г., Мария, чувствуя, что жизненные силы уже на исходе, высказала пожелание: «Лишь бы еще грешные кости мои похоронили у той же пещере» (РГИА: Ф. 796. Оп. 98. Д. 196. Л. 82–83). Данное ее пожелание находилось в русле той же киевской традиции подземножителства, что и само строительство Белогорской пещеры. Описывая Белогорские пещеры в 1858 г., А. А. Данский отмечал: «В одной из сих галерей, именно идущей от храма на юго-восток, когда достигнете последнего ее окончания, увидите ископанное с правой стороны место наподобие ниши, в коем Мария предполагала упокоить свои бранные останки...» (Данский 1858: 28). Но погребению Марии в пещере не суждено было сбыться. Умерла белогорская подвижница 22 июня 1822 г. Отметим, что в синодальный период истории Русской Православной Церкви средневековая киево-печерская традиция погребения в пещерах сохранялась лишь в Псково-Печерском монастыре (Беляев 1893: 152–162). На воронежской земле такой традиции не было, как не было здесь, впрочем, еще пока и самого пещерного монастыря. Учрежден Белогорский Воскресенский монастырь будет значительно позже – в 1882 г. Служивший при подземной церкви Александра Невского Белогорской пещеры священник Илья Мишин принял решение похоронить Марию близ пещеры. Это был своего рода компромисс между погребением внутри пещеры и на общем кладбище. За то, что погребение было осуществлено не на общем кладбище, Илья Мишин был оштрафован епархиальным начальством десятью рублями в пользу сирот духовного звания (РГИА: Ф. 834. Оп. 3. Д. 4036-а. Л. 7–7об.).

В книге А. А. Данского, изданной в 1858 г., так описывается место упокоения Марии-пещерни-

цы: «Но когда случится вам быть в Белогорских пещерах и взойти на один из ближайших холмов, то неподалеку от хижин Марии, в коей ныне живут священники, вы увидите против самой церкви крест, под ним сокрыт гроб, а в гробе том покоятся бранные останки Марии. Да хранит Господь кости твои, труженице Мария, и ни единая от них да сокрушится; смиренную же душу твою да вчинит в селениях праведных, идеже все святии упокоются!» (Данский 1858: 22). Рядом с Марией Шерстюковой был погребен и продолжатель ее дела по обустройству Белогорских пещер Иван Тищенко.

2 марта 1872 г. на место строителя при Белогорских пещерах самостоятельного мужского монастыря был назначен иеромонах Авраамий. Проживая при Белогорских пещерах, о. Авраамий официально входил в состав братии Воронежского Митрофанова монастыря. В летописи Белогорской обители дана следующая характеристика его строительной деятельности: «Он прибавил много зданий для братии и странников также и экономических. Он Вознесенскую церковь построил над гробами пещерокопателей Марии и Ивана, и завел постоянное чтение псалтыря на гробах их» (Летопись Белогорских пещер). Б. С. Познанский описывает эти гробы следующим образом: «Это самопростейшие саркофаги из того же мела. Несколько икон и лампадок, аналой – вот все убранство этого склепа, кроме того, у входа на стене два большого формата портрета пещерокопателей: Марии и Ивана. Мария написана одетою в белую свитку, какие и по сию пору носят крестьянки-хохлушки, и в *намитке*, повязанной на *очипку*, Иван в обыкновенном халате, в длинных волосах, расчесанных по духовному по обе стороны головы. Приставленный к этим гробам старик-монах читает по книге, хотя, говорят, он неграмотный, и прикладывающихся к иконе окропляет водою, при чем простонародью советует смачивать этой водою глаза: “Многим помогает...”, – говорит он» (Познанский 1885: 625).

В книге Н. Креховецкого, вышедшей в свет в 1878 г., есть следующее описание построенного в 1874 г. Вознесенского храма: «Во имя Вознесения Господня, деревянная, обложенная кирпичом и внутри оштукатуренная. Построена на каменном нижнем этаже, составляющем усыпальницу над гробами пещерокопателей Марии и Иоанна, где продолжается неусыпное чтение псалтири и служатся ежедневные панихиды. Как церковь, так и усыпальница теплые» (Креховецкий 1878: 82).

Посетивший Белогорские пещеры краевед Е. Л. Марков так описывал место упокоения Марии Шерстюковой и ее сподвижника Ивана Тищенко в «Русском вестнике» за 1892 г.: «Низкий и тесный склеп, где погребены пещерокопатели, расширен

Усыпальница Марии Шерстюковой в Белогорской пещере

теперь в маленькую часовню. Он весь проникнут аляповатым безвкусием и наивным благочестием создавшей его мужицкой толпы и именно хохлатской толпы, а не какой иной. Везде яркая фольга, везде пестрая краска, как в праздничном наряде малороссийской девушки. Два громоздких каменных ящика, оштукатуренных и выбеленных, как печи хохлатской хаты, стоят, покрытые какими-то грубыми покрывалами, вроде тех домодельных скатертей, что хозяйки-хохлушки ткнут для своих столов. Это гробы Марии и Иоанна. Их закоптевшие портреты, писанные мало умелою рукою доморощенного деревенского художника, висят тут же напротив гробов. Добрые утомленные лица, полные вдумчивости и кроткой ласки, приветливо смотрят на вас с этих темных полотен.

Маленькая кучка старух и девчонок, все еще в меловой пыли только что пройденной дороги, стояли, набожно крестясь, с копеечными свечками в руках, перед каменными гробами, на которых монах служил по их заказу «панакиду» по благочестивым трудникам» (Марков 1892: 270). При этом в подаваемых ими поминаниях на первом месте стояли имена пещерокопателей Марии и Ивана, а уж затем собственных родителей, – отмечал игумен Белогор-

ского Воскресенского монастыря Петр (Васильев) в книге, изданной к 100-летию основания Белогорской пещеры. Также он отмечал: «Знаменитые эти пещеры вырыты некоей труженицей, простой и незнатной старицей Марией Константиновной Шерстюковой. Она большие труды положила и понесла великие подвиги в копании их; отстояла их существование и из-за них много потерпела. С редким мужеством и с похвальной стойкостью преодолела все препятствия и преграды, встреченные ею при копании пещер» (Игумен Петр (Васильев) 1897). Говоря о подвижничестве Марии Шерстюковой, он проводит параллель с Марией Египетской: «Дивен Господь во святых своих! Где умножится грех, там преизобилует благодать (Рим. V. 20). Непобедимая грехами человеческими благодать блудного сына привела к раскаянию крайней нищетой и бедствием на чужой стороне; Марию Египетскую недопущением или отторжением от св. храма привела в чувство, а сию Марию крайним безвыходным положением и всеобщим людским презрением Господь заставил взглянуть на себя, на свою жизнь, и она увидела, в какую бездну греховную погрузилась она, пришла в сознание и страх и раскаялась. Дивны судьбы Твои, Господи, слава Тебе! Спаси и нас, имиже веси судь-

Участники студии «Образ» после спектакля. 2022 г.

бами, Господи!» (*Игумен Петр (Васильев)* 1897).

Таким образом, мы видим, что изначальное неприятие в епархиальной среде подвижничества Марии Шерстюковой в дальнейшем, под влиянием народного почитания ее подвига, трансформировалось в формирование при Белогорском монастыре ее культа. С закрытием Белогорского монастыря в советское время и разрушением его наземных построек была предпринята попытка верующими сохранить сложившуюся традицию. Об этом узнаем из описания белогорской жизни местным краеведом Т. В. Калашиниковым (*Калашиников* 2014: 38–40). Он повествует, что для этого в 1926 г. на территории монастыря была построена часовня, куда были перенесены останки Марии Шерстюковой и Ивана Тищенко для поклонения, так как они «осуществили богоугодное, по мнению верующих, дело: подвижнически трудились в оборудовании пещер, чем, по мнению верующих, и заслужили честь быть признанными святыми» (*Калашиников* 2014: 38). В создании часовни приняли участие бывшие насельники монастыря, проживающие в близлежащих селениях.

Власть, узнав о новом распространении культа, реагировала незамедлительно. По распоряжению уездного прокурора Ткачева на место происшествия командирован был уездный следователь Борис Усатов. В результате его поездки часовня была закрыта и начато судебное разбирательство под руководством народного судьи Н. П. Каменского. Одной из целей разбирательства стала антирелигиозная пропаганда. Поэтому процесс было решено начать в сельском клубе села Белогорье, где на фанерных щитах были разложены костные останки Марии Шерстюковой и Ивана Тищенко. Здесь надо

заметить, что смысл этих действий заключался в том, чтобы продемонстрировать тленность мощей подвижников благочестия. Дело в том, что в то время в среде верующих были широко распространены ложные представления о том, что останки святых непременно должны быть нетленны, чем и пользовались воинствующие атеисты. Интересна и такая деталь. По воспоминаниям Н. П. Каменского, «в непродолжительном времени после окончания судебного процесса по делу мощей, Усатов заболел, как впоследствии оказалось, неизлечимой болезнью... <...> Он стал постепенно, в местах расположения желёз (губных, глазных и под мышками) обростать как бы рыбьей чешуей. Для лечения этой болезни он был помещен в лучшую столич-

ную клинику, но и там ничем помочь ему не могли, и его постигла клиническая смерть» (*Калашиников* 2014: 39–40). Данный случай превратил изначальный замысел, направленный на дискредитацию культа белогорских пещерников, в свою противоположность, так как в народной среде посчитали болезнь Усатова наказанием свыше за глумление над их останками.

Вместе с тем необходимо отметить, что в дальнейшем, в советское время, закрытие монастыря и разрушение захоронений подвижников благочестия не могло не сказаться на снижении почитания Марии Шерстюковой среди окрестного населения. Ситуация стала меняться вновь лишь после возрождения Белогорского Воскресенского монастыря в XXI столетии и его активной миссионерской и просветительской деятельности под руководством иеромонаха Тихона (Жданова), игумена Симона (Каменева), игумена Илии (Ждамирова). Сегодня, как и прежде, в день памяти Марии Шерстюковой 22 июня (по старому стилю) игуменом монастыря с братией совершается божественная литургия и служитя панихида по Марии-пещернице – белогорской подвижнице благочестия. С каждым годом верующих в монастыре в этот памятный день становится все больше и больше.

Знакомство паломников в обители с подвигом Марии Шерстюковой проходит как в традиционной форме передачи информации: проповедь, экскурсии, распространение печатной продукции, так и с использованием новаторского подхода. Под руководством иеромонаха Алексея (Гордеева) студия «Образ» при воскресной школе Белогорского монастыря осуществила постановку спектакля «Мария».

Жители с. Белогорья с удовольствием смотрят на выступление своих детей, соприкасаясь с образом Марии-пещерницы и стародавней историей Белогорской обители.

Хотя Мария Шерстюкова официально и не прославлена в лике святых, в настоящее время среди прихожан отмечается практика мысленного молитвенного обращения к ней за помощью. А что касается чудес, по этому поводу очень хорошо написал Е. Л. Марков еще в 1892 г.: «Белогорская история – это настоящий ряд чудес и притом чудес вовсе не мистических. Чудеса производит тут несокрушимая энергия одного человека во всех смыслах ничтожного с точки зрения наших обычных суждений. Один человек, даже больше, одна простая баба борется десятки лет с властями, с формализмом законов, с гонениями всякого рода, со стихиями, с голодом, с холодом и побеждает всех, торжествует над всем. Царь-Самодержец становится ее защитником и помощником. Архипастыри благословляют и освящают те самые труды

ее, за которые она терпела преследования всю свою жизнь» (Марков 1892). Что к этому добавить? Наверно то, о чем писала сама Мария Шерстюкова за несколько месяцев до смерти: пещеру «я по усердию своему обрабатывала около сорока лет. Для прославления имени Божия и Всеавгустешаго монарха церковь в оной пещере выстроена, в которой для прославления имени Божия и Нашего монарха за стол отеческий попечения стекается народное собрание как в какой нибудь монастырь...» (РГИА: Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355. Л. 59). И еще хотелось бы добавить про упомянутую ею августейшую особу – Александра I, точнее, вспомнить цитату о нем Л. Н. Толстого из романа «Война и мир»: «Александр I, исполнив свое призвание и почував на себе руку Божию, вдруг признает ничтожность этой мнимой власти, отворачивается от нее, передает ее в руки презираемых им и презренных людей и говорит только: “Не нам, не нам, а имени Твоему!”. Я человек тоже, как и вы; оставьте меня жить, как человека, и думать о своей душе и о Боге».

Источники и материалы

Беляев 1893 – Беляев И. Г. Первоклассный Псково-Печерский монастырь. 2-е изд., доп. Остров: тип. А. С. Степановой, 1893.

Данский 1858 – Данский А. А. Сказание о Белогорских пещерах. (Издано в пользу Александро-Невской церкви, устроенной внутри этих пещер Высочайшего разрешения Императора Александра Благословенного). СПб.: Издание церковного старосты Ивана Васильченкова в типографии Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным Заведениям, 1858.

Игумен Петр (Васильев) 1897 – Игумен Петр (Васильев). Пещерокопательница Мария. Павловск: типография И. П. Иванова, 1897.

Креховецкий 1878 – Креховецкий Н. Белогорские пещеры. Воронеж: типография В. И. Исаева, 1878.

Летопись Белогорских пещер – Летопись Белогорских пещер и Воскресенского Белогорского монастыря. Рукопись. Хранитель – Острогжский историко-художественный музей им. И. Н. Крамского /ОРКМ 6511/ Б8605.

Марков 1892 – Марков Е. Л. Белогорские пещеры // Русский вестник. 1892. Т. 1. С. 265–277.

Никольский 1910 – Никольский П. В. Монашество на Дону. Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская старина. 1910. Вып. 9. С. 150–181.

Познанский 1885 – Познанский Б. С. Воронежские хохлы (Из случайных заметок, воспоминаний и наблюдений) // Киевская Старина. Ежемесячный исторический журнал. 1885. Т. 11, Апрель. С. 613–648.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Научная литература

Калашников Т. В. История Белогорья // История села Белогорье. Сборник очерков / автор-сост. М. А. Калашников. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2014. С. 6–317.

Сергий (Петров), архиепископ. История Воронежской епархии от ее учреждения до 1960-х гг. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011.

Степкин В. В. Отношение церковных властей к пещерокопателям в XVIII–XIX веках // Христианское чтение. 2018. № 5. С. 214–224. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10122>

Степкин В. В., Смирнов И. А. Письма из фонда Д. М. Струкова в РГИА как источник датирования Виа Долороза Калачеевской пещеры Воронежской области // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 14. С. 263–270. <https://doi.org/10.53737/2713-2021.2022.85.17.011>

Степкин В. В., Гунько А. А. Белогорский пещерный комплекс: морфометрия и социальный аспект // Спелеология и спелестология: сборник материалов конференции. 2013. № 4. С. 277–290.

References

- Kalashnikov, T. V. 2014. Istoriia Belogor'ia [The history of Belogorye]. In *Istoriia sela Belogor'e. Sbornik ocherkov* [Belogorye village history. Essays collection], 6–317. Voronezh: Voronezhskaia oblastnaia tipografiia.
- Sergii (Petrov), arkhiepisop. 2011. *Istoriia Voronezhskoi eparkhii ot ee uchrezhdeniia do 1960-kh gg.* [Voronezh episcopate history from its foundation up to 1960s]. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia.
- Stepkin, V. V. 2018. Otnoshenie tserkovnykh vlastei k peshcherokopateliam v XVIII–XIX vekakh [The Attitude of Church Authorities to the Cave Diggers in the 18th–19th Centuries]. *Khristianskoe chtenie* 5: 214–224. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10122>
- Stepkin, V. V., and I. A. Smirnov. 2022. Pis'ma iz fonda D. M. Strukova v RGIA kak istochnik datirovaniia Via Dolorosa Kalacheevskoi peshchery Voronezhskoi oblasti [Letters from D. M. Strukov's fund in the Russian state historical archive and the dating of Via Dolorosa in Kalach caves, Voronezh region]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* 14: 263–270. <https://doi.org/10.53737/2713-2021.2022.85.17.011>
- Stepkin, V. V., and A. A. Gun'ko. 2013. Belogorskii peshchernyi kompleks: morfometriia i sotsial'nyi aspekt [The Belogorye cave complex: morphometry and social aspect]. *Speleologiia i spelestologiia: sbornik materialov konferentsii* 4: 277–290.

MARIA SHERSTJUKOVA: ON THE 200TH ANNIVERSARY OF THE DEATH OF THE FOUNDER OF THE BELOGORYE CAVE

Abstract. The article was written on the occasion of a memorable date: the 200th anniversary year from the death of Maria Konstantinovna Sherstjukova, who was a pious hermit and a founder of Belogorye cave in Voronezh region, the longest cult caves in Eastern Europe. The research objective is to consider Maria's cult as a cave digger on different stages of the Russian Orthodox Church. The research paper deals with historical context of events connected with Belogorye cave foundation in 1796 in a chalk hillside of the Don river valley; analyzes different archival variants of Maria Sherstjukova's biography; addresses folk tales about cave digger Maria; studies the development of the pious hermit cult, explores today attitude to her in Belogorye Resurrection Monastery. It is concluded about an established folk and church tradition to acknowledge the pious hermit.

Keywords: Maria Sherstjukova, Belogorye cave, Belogorye Resurrection Monastery, folk Orthodoxy, the Synodical period of Russian Orthodox Church, Alexander I.

For citation: Stepkin, V. V. 2023. Maria Sherstyukova: on the 200th anniversary of the death of the founder of the Belogorye cave. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 32: 30–45

